

УДК 341.217:341.232

Н.А. Коровникова, М.А. Положихина*

БРИКС: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА (Обзор)

Аннотация. Социально-экономическое развитие стран БРИКС во многом зависит от масштабов и эффективности использования минерально-сырьевых ресурсов. Соответственно, модернизация добывающей промышленности особенно актуальна для хозяйства этих стран. В современных условиях большое значение приобретает партнерство стран БРИКС и их способность объединяться для совместной экономической деятельности.

Ключевые слова: БРИКС; добывающая промышленность; золото-добывающая промышленность; направления сотрудничества; перспективы экономического взаимодействия.

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Положихина Мария Анатольевна, канд. географ. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Polozhikhina Maria, PhD (Geograp. Sci.), leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

N.A. Korovnikova, M.A. Polozhikhina
BRICS: features and prospects of cooperation
(Review)

Abstract. The socio-economic development of the BRICS countries largely depends on the scale and efficiency of the use of mineral resources. Accordingly, the modernization of the extractive industry is particularly relevant for the economies of these countries. In modern conditions the partnership of the BRICS countries and their ability to unite for joint economic activities are of great importance.

Keywords: BRICS; extractive industry; gold mining industry; areas of cooperation; prospects for economic cooperation.

Введение

В современном глобальном контексте мегапроект БРИКС¹ представляется одним из наиболее перспективных и мощных геополитических альянсов. По данным на 2017 г., страны-участницы (в совокупности) занимали 29,6% территории всего земного шара, а их население составляло 40,9% численности населения мира [BRICS Joint Statistical Publication..., 2018].

К числу основных общих особенностей стран БРИКС эксперты относят «почти завершенную» индустриализацию, раннюю постиндустриализацию, «ловушку среднего уровня развития», социальное неравенство [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 312]. В то же время для стран БРИКС характерны существенные различия в уровне и моделях экономического развития. ВВП (по ППС) на душу населения стран – участниц БРИКС в 2017 г. различались в 3,9 раза. Значения данного показателя в Китае, Бразилии и ЮАР были 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. долл./человека соответственно, тогда как в России – 27,8 тыс. долл./человека, а в Индии – всего 7,2 тыс. долл./человека [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 3].

Подобные расхождения объясняются дисбалансами в социально-экономической сфере стран БРИКС, формирование которой в исторической ретроспективе происходило под влиянием разных социально-политических факторов. Примерами может служить стимулирование личного потребления в сельских регионах Бразилии;

¹ На сегодняшний день в состав БРИКС входят следующие государства: Россия, Бразилия, Индия, Китай и ЮАР.

особое внимание к развитию портовых городов и территорий в Индии; приоритет (вплоть до начала 2000-х годов) развития прибрежных регионов в Китае; низкий уровень поддержки районов с малой долей белого населения в ЮАР (особенно в период апартеида) и т.п. [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 5].

Несмотря на существующие различия, БРИКС для стран – членов данной интеграционной группы является инструментом поддержания геоэкономических позиций и реализации определенных политических амбиций в международном пространстве.

Добывающая промышленность стран БРИКС

С начала XXI в. добыча основных сырьевых ресурсов во всем мире значительно возросла. За 2000–2017 гг. мировая добыча нефти увеличилась на 20%, угля – на 42%, природного газа – на 50%, золота – на 25%, а железной руды – более чем в 3 раза [Растянникова, 2019, с. 31].

Добывающая промышленность играет важную роль в хозяйстве стран БРИКС. Современный ускоренный рост их экономик, хотя и в разной степени, базируется именно на этих отраслях. Продукция добывающей отрасли в России, Бразилии и ЮАР является главным источником финансовых поступлений от внешней торговли. В Китае и Индии растущий спрос на продукцию добывающей промышленности стимулируется быстрыми темпами развития собственного производства в обрабатывающем секторе.

В начале 2000-х годов рост выпуска продукции добывающей отрасли наблюдался практически во всех странах БРИКС – хотя и с различной степенью интенсивности. С конца 2000-х годов между странами стала происходить значительная дифференциация. ВВП (в сопоставимых ценах), созданный в добывающей промышленности, в период 2000–2017 гг. значительно вырос в Китае (в четыре с половиной раза) и в Индии (в два раза). Но тем не менее в настоящее время добывающая отрасль этих стран не может обеспечить национальную промышленность достаточным объемом ресурсов, поэтому требуются все большие объемы их экспорта. В России с середины 2000-х годов тенденций к увеличению доли добывающей промышленности в ВВП не наблюдалось. В Бразилии и ЮАР экономический кризис и падение цен на ресурсы в 2014 г. повлекло за собой сокращение производства в добывающей промышленности [Растянникова, 2019, с. 31].

Большую роль в добывающих отраслях стран БРИКС играет государство. Так, во всех странах альянса добыча нефти и газа сконцентрирована в руках государственных монополий. Степени монополизации в угледобывающей и железорудной промышленности существенно меньше. В России и Китае действуют фрагментарные предприятия, а в Бразилии, ЮАР и Индии производство монополизировано крупными компаниями, часто с государственным участием. В Индии и угледобывающая промышленность полностью находится под контролем одной государственной корпорации [Растяникова, 2019, с. 64–68].

Железорудное производство. Из стран БРИКС наибольшими доказанными запасами железной руды обладает Россия (25 млрд т), за ней следует Китай и Бразилия (по 23,0 млрд т). В Индии разведано всего 8,1 млрд т железной руды; в ЮАР – 1,5 млрд т. При этом доля стран БРИКС в общемировом объеме добычи возросла с 59% в 2000 г. до 63% в 2017 г. «Взрывной» рост добычи железной руды в мире «подпитывался» увеличивающимся спросом со стороны обрабатывающей промышленности Китая. В настоящее время спрос Китая на железную руду практически определяет динамику ее мировых цен. Основные поставки железной руды в Китай осуществляются из Австралии, Бразилии, Индии, ЮАР и Канады. В последние годы увеличивается импорт ресурса из России [Растяникова, 2019, с. 56–59].

Китай является мировым лидером не только по импорту железной руды, но по ее производству. За период 2000–2016 гг. добыча железной руды в этой стране увеличилась с 224 до 1280 млн т, т.е. почти в шесть раз. Бразилия в 2016 г. занимала третье место в мире по данному показателю (424 млн т), Индия – четвертое (192 млн т), Россия – пятое (101 млн т), ЮАР – седьмое место (66,5 млн т). Причем за 2000–2016 гг. объем добычи железной руды в Индии увеличился более чем в 2 раза, а годовой прирост достигал в среднем 5,2%. В ЮАР ежегодный прирост добычи составлял 3,8%. При этом добыча железной руды дает 20% стоимости продукции всей добывающей промышленности этой страны. В России прирост добычи руды в указанный период составил всего 0,9% [Растяникова, 2019, с. 56–59, 79].

Бразилия, Россия, Индия, ЮАР выступают в качестве экспортеров железной руды. Самым крупным из них является Бразилия, чья доля на мировом рынке железной руды составляет 32%. На экспорт идет 84% от национального производства этого продукта [Растяникова, 2019, с. 56–59].

Возможности для модернизации и инновационного развития железорудной промышленности существуют во всех странах БРИКС. Однако в каждой стране имеются свои особенности. Например, в Индии это направление ограничено государственной монополией и избыточной дешевой рабочей силой, наличие которой подпитывает нелегальную добычу сырья. Рост продаж южноафриканской руды во многом зависит от железнодорожного сообщения. Логистические компании – важное звено железорудного кластера в ЮАР. Государственная политика Бразилии в железорудной отрасли состоит в создании фондов для финансирования инноваций, научных центров и кластеров, а также включении добычи железной руды в международные цепочки создания стоимости. Китай нацелен на получение железорудного сырья из разных стран и источников (включая переработку лома), привлечение иностранных инвестиций в национальное производство и геологоразведку. В России производство железной руды остается среди ведущих отраслей добывающей промышленности и одной из важнейших статей экспорта. Существуют возможности увеличить объем экспорта этого продукта в Китай, что выгодно обеим сторонам. В 2017 г. из 20,5 млн т железной руды, отправленной Россией на экспорт, только 19,5% было поставлено в Китай [Растяникова, 2019, с. 154, 158–159, 163, 168].

Золотодобывающая промышленность как отрасль занимает особое место. Основные функции золота – международные расчеты, резервы Центральных банков, частная тезаврация¹ (в том числе ювелирные украшения), инвестиции, промышленное потребление (электронная, космическая и др.). Например, в 2015 г. из мирового объема добытого и обработанного золота 13% составляли резервы Центральных банков, 57% ювелирные изделия, 22% инвестиционные слитки и 8% использовалось в промышленности [Растяникова, 2019, с. 169].

Наибольшими разведанными запасами золота (по данным на 2017 г.) располагали США – 8134 т, Россия – 1891 т и Китай – 1841 т. В 2016 г. ведущими странами – экспортерами золота были Швейцария, Гонконг, ОАЭ, США и Великобритания – на них приходилось около 60% мирового экспорта. Главными импортерами золота были Швейцария, Китай, Великобритания, ОАЭ, Индия.

¹ То есть изъятие драгоценных металлов, монет и банкнот из обращения с целью накопления.

На Китай приходилось 19%, а на Индию – 7% всего мирового импорта [Растяникова, 2019, с. 169–170, 172].

Доля стран БРИКС в мировом объеме добываемого золота весьма существенна и в 2016 г. составляла 31%. Китай, занимавший в 2017 г. первое место по объему добычи золота, в 2,5 раза увеличил масштабы его производства с начала 2000-х годов (с 177 т). ЮАР, державшая первенство до середины 2000-х годов, наоборот продемонстрировала наиболее заметное среди всех стран снижение – в три раза (с 431 т) – и спустилась на седьмое место. Ее доля в мировом объеме добычи в 2000–2017 гг. (после выработки наиболее крупных и богатых месторождений) сократилась с 15 до 4%. В России добыча золота в 2000–2017 гг. увеличилась почти в два раза (со 142 т) – прежде всего, благодаря принятым государством мер по стимулированию геологоразведки новых месторождений. В результате страна вышла на третье место в мире (8% объемов мировой добычи). В Бразилии наблюдалась слабая положительная динамика производства (девятое место в мировом рейтинге производителей); в Индии добыча золота незначительна с тенденцией к уменьшению (см. табл.). При этом, по грубым оценкам, объем нелегально добываемого золота в России составляет 10% от общего оборота. В ЮАР нелегальные старатели работают не только на заброшенных месторождениях, но и занимаются хищением золота с промышленных предприятий [Растяникова, 2019, с. 61–62, 171–172, 176, 181].

Таблица

**Добыча, импорт и экспорт золотоносной руды
(по содержанию металла) странами БРИКС в 2016 г.***

№ пп	Страны	Добыча, т	Экспорт, т	Импорт, т
1	Бразилия	80,0	78,3	–
2	Россия	253,2	22,4 / 56,6 – в 2017 г.	–
3	Индия	1,6	–	950,0
4	Китай	453,5	–	н/д
5	ЮАР	142,1	135,0	–
6	Мир всего	3200,0		

* Составлено по данным [Растяникова, 2019, с. 80].

В России более 22% всей добычи золота приходится на Красноярский край, где монополия на разработки принадлежит ПАО «Полус» (ранее «Полус Золото»). В Амурской области (на ее

долю приходится свыше 15% всей добычи в стране) разработку месторождений ведет в основном ОАО «Покровский рудник». В Чукотском АО (11% национальной добычи) действует канадская компания «Kinross Gold Corp.». Добывающие компании «Полиметалл» и «Русдрагмет» (6% и 5% добычи соответственно) ведут разработки в основном в Магаданской области и Хабаровском крае. 100% *индийского* производства золота приходится на компанию Hutti Gold Mines Co. В *Китае* 30% национальной добычи осуществляет China National Gold Group Corp. (CNGGC), 20% – Zijin Mining Group Ltd., 15% – Eldorado Gold Corp. (бывшая Sino Gold Mining). Крупнейшая компания *ЮАР*, AngliGold Ashanti, добывает 40% национального ресурса. Кроме нее действует Gold Fields Ltd. (22% добычи) и Harmony Gold Mining Co. Ltd. (20%). В *Бразилии* основной компанией, добывающей 32% объема золота страны, является Vale S.A. Второе, третье и четвертое место занимают AngloGold Ashanti Mineração Ltd (25%), Yamana Gold Inc. (23%) и Rio Paracatu Mineração S.A. (13%) соответственно [Растяникова, 2019, с. 68–69].

Из стран БРИКС экспортерами золота на мировом рынке выступают Бразилия, Россия и ЮАР. В 2000 г. бразильский экспорт составлял 41,5 т, потом несколько сократился, но к 2016 г. вырос почти в 2 раза. За период 2000–2017 гг. экспорт золота ЮАР сократился в три раза (с 404 т). В России золото не является ведущим экспортным товаром и объемы его экспорта сильно колеблются по годам (см. табл.) [Растяникова, 2019, с. 62–63].

Индия является активным импортером золота – в 2000–2017 гг. она вдвое повысила объем внешних закупок металла (с 471 т). Страна занимает первое место в мире по потреблению золота (955 т в 2017 г.) и пытается выйти на мировой рынок как производитель ювелирных изделий. Китай также импортирует золото. Но официальная статистика по данному показателю сильно занижена, так как не учитывает масштабы серого импорта. Согласно данным Всемирного совета по золоту, в 2017 г. Китай занимал первое место в мире не только по производству, но и по потреблению золота. Импорт золота главным образом осуществляется в целях создания золотовалютных резервов. По оценкам, импорт золота в Китай через Гонконг в 2013 г. составил примерно 1158 т, а в 2017 г. – 628 т [Растяникова, 2019, с. 63–64, 176, 181].

Существенный рост производства золота с начала XXI в. в Китае, России и Бразилии был связан со стимулированием разведки новых месторождений и внедрением технологий более

эффективного извлечения металла из золотосодержащей породы, в том числе из отработанных «хвостов»¹. Но уровень освоения новых технологий и, соответственно, производительность труда в этой отрасли в странах БРИКС остаются на достаточно низком уровне. Наибольшая производительность труда при извлечении золотосодержащей руды в 2016 г. была в США – до 14 т руды в расчете на человека на час затрат труда. В России этот показатель равнялся 1,8 т/человек/час, в Китае – менее 1 т/человек/час, в Бразилии – 8,2 т/человек/час, в ЮАР – 1,9 т/человек/час. Государственная монополия и отсутствие стимулирующей роли экспорта привели к тому, что техническое оснащение и производительность труда в золотодобывающей отрасли России одни из самых низких в мире, несмотря на разработанные новые технологии [Растяникова, 2019, с. 174–175].

В Китае существование мелких и мельчайших предприятий тормозит процесс создания эффективной золотодобычи, поэтому на повестке дня стоит консолидация отрасли. В Индии попытки ограничить монополию государства в разведке и разработке новых золотых месторождений пока не дают результатов. При этом в стране разведано всего 7–9% минеральных ресурсов, в то время как в других странах этот показатель намного выше. В Бразилии, где по сравнению с другими странами БРИКС производительность труда относительно высокая, добыча золота ограничена малыми объемами разведанных запасов [Растяникова, 2019, с. 182, 184].

Примечательным событием является начало сотрудничества КНР с Россией в области золотодобычи. В 2018 г. российским правительством было одобрено соглашение о совместной разработке Ключевского золоторудного месторождения в Забайкальском крае с китайской компанией CNGGC. Причем Китаю разрешено приобрести 60% рудника, несмотря на то, что в добывающей промышленности России существует ограничение для участия иностранных компаний, равное 25% [Растяникова, 2019, с. 179]. Китай является также одним из лидеров в производстве оборудования для добычи золота: практически во всем мире закупаются произведенные в Китае драги и мини-драги, а 35% российских обогащательных фабрик работают на китайском оборудовании [Растяникова, 2019, с. 180].

¹ Хвосты (в горном деле) – отходы обогащения полезных ископаемых, состоящие в основном из пустой породы, имеющие минимальное содержание полезного компонента.

Модернизация добывающей промышленности. Повышение производительности труда и увеличение конкурентоспособности – это имманентные цели модернизации во всех странах БРИКС, но в Китае и Индии подход к процессу более широкий. Здесь важной задачей выступает консолидация отрасли, закрытие мелких нерентабельных предприятий, базирующихся на ручном – нередко детском – труде и реализующих продукт по заниженным ценам, а также увеличение безопасности трудовой деятельности и улучшение экологической обстановки в районах добычи ресурсов [Растяникова, 2019, с. 212–213].

Модернизация в духе четвертой промышленной революции и внедрение инновационных технологий в добывающую промышленность для стран БРИКС имеет особое значение, поскольку добыча полезных ископаемых еще долго будет определять возможности их индустриального развития. Ключевыми формами этих процессов стали следующие направления:

- использование гигантских машин и механизмов с высокой производительностью для выполнения тяжелых и опасных работ на горнодобывающих предприятиях;

- применение информационно-компьютерных технологий для максимальной автоматизации, позволяющей сократить до минимума количество работников в опасных зонах;

- разработка принципиально новых методов первичной переработки, обогащения и очистки добытых ресурсов;

- получение энергии из новых источников минеральных ресурсов (сланцевый газ и нефть, горючий лед);

- совершенствование технологий добычи энергетических ресурсов;

- внедрение цифровых технологий в геологоразведку [Растяникова, 2019, с. 210].

Модернизация добывающей промышленности стран БРИКС должна привести к повышению производительности труда и эффективности производства; увеличению конкурентоспособности стран на мировом рынке; обеспечению безопасности труда в наиболее травматичной сфере экономики; улучшению экологической обстановки, в том числе к сокращению выбросов CO₂ [Растяникова, 2019, с. 211, 215].

Растяникова Е.В. отмечает, что четвертая промышленная революция ведет не только к положительным последствиям для стран БРИКС. В ближайшем будущем могут проявиться новые формы зависимости этих стран от инновационных технологий,

разработанных в Европе, США и Японии [Растяникова, 2019, с. 215–216]. В современных условиях большое значение приобретает партнерство стран БРИКС и их способность объединяться для совместной экономической деятельности.

Возможные направления сотрудничества

В рамках альянса уже сформировались общие интересы, прежде всего, в области реформирования международной валютно-финансовой системы, а также в поддержке развития важнейших экономических направлений (промышленности, сельского хозяйства, торговли, инвестиционной сферы и др.). При этом Россия обладает достаточным потенциалом для укрепления интеграционных связей с партнерами по БРИКС¹ [Хейфец, 2019, с. 64].

По оценкам специалистов, одним из возможных направлений дальнейшей интеграции в рамках БРИКС может стать *инвестиционное сотрудничество*. На страны БРИКС приходится существенная часть глобальных трансграничных инвестиционных потоков. Например, в 2017 г. их доля в накопленных мировых входящих прямых иностранных инвестициях (ПИИ) составила 10,3%, а в накопленных исходящих ПИИ – 8,6%. В этом плане особенно выделяется Китай, доля которого в 2017 г. составила 46% всех накопленных входящих ПИИ стран БРИКС и 56% исходящих ПИИ [Хейфец, 2019, с. 67–69].

На современном этапе глобализации важную роль в развитии конкурентоспособности и интеграции государств – участников БРИКС играют вопросы *взаимодействия в сфере энергетики* для обеспечения энергетической, национальной и «союзной» безопасности. На протяжении длительного времени существования объединения энергетическое сотрудничество реализовывалось преимущественно в рамках уже сформированных двусторонних торгово-инвестиционных связей. Наиболее эффективные примеры такого взаимодействия – энергетический диалог «Россия – Китай», а также российско-индийский совместный проект по строительству АЭС «Куданкулам» [Рязанова, 2019, с. 117]. В практическом контексте ключевую роль в активизации многосторонней энерге-

¹ Например, в 2015 г. на саммите БРИКС в Уфе (РФ) всеми партнерами была одобрена разработанная российской стороной «Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2020 года» [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 64–65].

тической интеграции стран БРИКС начинает играть Новый банк развития БРИКС (НБР) как наиболее перспективный инвестиционный инструмент в данной сфере [Рязанова, 2019, с. 120]. Очевидно, что важнейшее влияние на интеграцию энергетического сектора БРИКС может оказать именно Россия, что обусловлено ее позицией мощной энергетической державы и ведущего экспортера топливных ресурсов на мировой рынок.

Сотрудничество в сфере ИКТ¹ и развития цифровой экономики. О важности этого направления взаимодействия для стран БРИКС свидетельствует сравнительно высокий уровень принятия и исполнения обязательств участниками альянса по вопросам цифрового развития. Всего с 2011 г. страны БРИКС приняли 38 обязательств в сфере ИКТ, а уровень их исполнения в среднем составляет 94% [Игнатов, 2020, с. 53].

Развитие цифровой экономики – актуальный вопрос для каждой из стран – членов БРИКС в отдельности и для института в целом. В связи с тем, что эти страны находятся на разном уровне развития цифровой экономики, роль БРИКС заключается в содействии принятию коллективных решений стратегического характера и обмену наилучшими практиками. В настоящий момент БРИКС не располагает специализированным механизмом для постоянного обмена релевантной информацией по направлениям развития цифровой экономики. Учреждение подобного механизма на базе существующих форматов взаимодействия (встречи министров ИКТ, Рабочей группы БРИКС по сотрудничеству в сфере ИКТ) позволит расширить масштаб экспертной работы в интересах решения текущих проблем цифрового развития, в частности проблемы адаптации систем экономических показателей к потребностям измерения и учета вклада цифровых отраслей в хозяйство страны. Страны БРИКС могут также разработать общие стандарты производства цифровых товаров и услуг. Эта инициатива может стать первой в своем роде и тем самым определить характер развития данного направления в долгосрочной перспективе. Разработка и введение единого цифрового стандарта БРИКС одновременно будет способствовать укреплению торгово-инвестиционных связей стран-партнеров.

Третьим перспективным направлением сотрудничества является совместное продвижение интересов стран БРИКС в сфере

¹ ИКТ – информационно-коммуникационные технологии (Information and communication technologies).

международной цифровой безопасности и в вопросах управления Интернетом, укрепления систем противодействия киберпреступности. Китай уже представил свое видение международной системы поддержания кибербезопасности и управления Интернетом. Россия на правах председателя БРИКС, а также председателя Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2020 г., может обеспечить конверсию инициативы китайских партнеров, выдвинутой на платформе ШОС, в общую позицию стран БРИКС и тем самым обеспечить преимущество в продвижении данного вопроса на платформе ООН [Игнатов, 2020, с. 54].

Проблемы и перспективы развития БРИКС

Специалисты выделяют три уровня экономического сотрудничества в рамках БРИКС: 1) макроуровень – уровень межгосударственных договоренностей; 2) мезоуровень межрегионального межгосударственного социально-экономического сотрудничества; 3) микроуровень, на котором обеспечиваются благоприятные условия для эффективной деятельности частных лиц стран – членов БРИКС (инвесторов, предпринимателей и др.) [Селиванова Д., 2020]. Для дальнейшего перспективного функционирования БРИКС необходимо своевременное согласование и адаптация всех вышеперечисленных уровней сотрудничества.

По мнению экспертов, имеют место следующие *проблемные аспекты* дальнейшей интеграции стран БРИКС:

а) «различий между странами БРИКС значительно больше, чем совпадений» [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 309]: учитывая существующие расхождения по уровню экономического развития, качеству социальных институтов и политических структур этих стран, необходимо проводить сравнения не только между членами альянса¹, но также сопоставлять их с другими международными акторами¹;

¹ Например, использовать результаты различных проектов многомерного статистического анализа, в том числе: Индекс человеческого развития ПРООН, проект «Полития» («Polity») Т. Гурра, проекты Хельсинкского университета под руководством Т. Ванханена, совместный проект консалтинговой компании «А.Т. Kearney» и журнала «Foreign Policy», «Индекс глобализации», Индекс трансформации Бертельсмана, Индекс мировой конкурентоспособности (Всемирный экономический форум), российский проект «Атлас 2.0» (А.Ю. Мельвиль и др.) [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 309].

б) ограниченные возможности повышения статуса и укрепления позиций стран – членов БРИКС в рамках современного либерального («американоцентричного») миропорядка (без его тотального демонтажа);

в) управление «уязвимостью»¹ и оценка стрессоустойчивости политико-экономических систем БРИКС с учетом широкого диапазона проявлений «уязвимости» (от природно-климатических условий до степени национальной сплоченности) и динамики преимуществ и уязвимостей других мировых акторов;

г) социальные девиации, различные по своей природе, но значимые для стран БРИКС. Например, в 2017 г. уровень счастья в государствах – членах альянса оставался довольно низким, незначительно выше средних показателей по миру он был только в Бразилии и России [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., с. 309–312, 314–315];

д) ключевую роль в развитии экономического взаимодействия продолжают играть двусторонние связи, формат многостороннего сотрудничества оценивается в БРИКС по-разному;

е) во многих документах БРИКС содержатся общие постулаты, которые уже использовались в других двусторонних и многосторонних соглашениях, трансрегиональных мегапроектах стран альянса [Хейфец, 2019, с. 65], что девальвирует специфику интеграционного объединения;

ж) взаимные инвестиции на данный момент не играют заметной роли, а применяются офшорные и спарринг-офшорные схемы инвестирования на территории некоторых стран БРИКС [Хейфец, 2019, с. 69].

К факторам, препятствующим эффективному сотрудничеству в стратегически важной для государств БРИКС энергетической области, специалисты относят: неравную позицию стран-участниц в мировой энергетической системе; внутригрупповую конкуренцию; устоявшиеся связи с третьими странами (например, Бразилия – США, Россия – страны Европы); альтернативные интеграционные процессы (например, диалоговый форум ИБЮА, включающий Индию, Бразилию и ЮАР) [Рязанова, 2019, с. 118–119].

Для дальнейшей интеграции и конструктивного функционирования БРИКС важны не совместные политические декларации и

¹ Недостаточная способность системы противостоять внешнему воздействию, направленному на ее ослабление или уничтожение [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 311].

проекты, а социально-экономические и социокультурные действия, которые уже в среднесрочной перспективе могли бы позволить альянсу оказывать влияние на мировую экономику для достижения целей глобального устойчивого развития [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 313]. В качестве примера может служить распространение бразильской модели экономического сотрудничества (прежде всего, в области инвестиций) на взаимодействие между всеми странами БРИКС. Модель включает следующие элементы: прозрачность регулирования и доступ к нормативно-правовым актам; общие принципы рассмотрения и оценки иностранных инвестиционных проектов (стабильность, предсказуемость, эффективность и др.); работа в режиме «одного окна»; организация координационных центров для содействия по различным вопросам (например, налогов и сборов, дифференцированного режима для наименее развитых стран); техническое содействие в реализации потенциальных договоренностей и т.п. [Хейфец, 2019, с. 71].

На сегодняшний день в рамках БРИКС уже созданы важные институты: Новый банк развития (НБР) БРИКС, Пул условных валютных резервов, инфраструктурное партнерство БРИКС, а также Биржевой альянс, поддерживающий кросс-листинг акций более 7 тыс. компаний стран БРИКС. На стадии создания находится гарантийный фонд суверенных облигаций объемом 10 млрд долл., Банк международных расчетов (БМР) БРИКС и др. Всего в рамках БРИКС уже функционирует более 50 форматов сотрудничества, в том числе рабочие группы по международной информационной безопасности, здравоохранению, сельскому хозяйству, науке и технике, включая отдельные форумы научных экспертов и предпринимателей [Хейфец, 2019, с. 66, 72–73].

Заключение

Развитие интеграционных процессов в рамках БРИКС позволяет всем странам-участницам укрепить положение в современном геοэкономическом пространстве, взаимодополняя свои конкурентные преимущества.

На протяжении длительного времени БРИКС рассматривалось как сочетание определенных «ролей» в мировом хозяйстве: Бразилии – в сельскохозяйственной отрасли, России – в топливно-энергетической и минерально-сырьевой сфере, Индии – как поставщика «дешевого интеллекта», Китая – как генератора много-

численных трудовых резервов, ЮАР – как источника запасов природных ресурсов [Селиванова, 2020]. Однако в настоящее время эти позиции следует пересмотреть. Россия превратилась в одного из крупнейших экспортеров зерна. Китай и Индия выступают как основные потребители энергоресурсов и т.д. Более того, «весь мир волнует вопрос, смогут ли два гиганта БРИКС, Китай и Индия, снизить темпы прироста потребления первичных энергетических ресурсов за счет применения альтернативной энергетики или нетрадиционного использования угля» [Растяникова, 2019, с. 54]. Ведь именно рост потребления энергоресурсов (и других видов сырья) этими странами во многом определяет динамику и масштабы мирового спроса, а также уровень цен.

В современной структуре хозяйственных комплексов стран БРИКС происходят определенные, подчас очень значительные изменения. Особенно заметными они станут после завершения пандемии коронавируса, когда определятся новые балансы спроса и предложения. В настоящее время трудно строить прогнозы, какими они будут в итоге. Но очевиден рост энергопотребления (прежде всего, за счет увеличения потребления электроэнергии от электростанций) при возможном снижении потребления топлива транспортом (бензина и авиационного керосина). Одновременно растет разнообразный интерес частных и государственных структур к золоту; ускоряются процессы цифровизации.

Эти недавно появившиеся социально-экономические тенденции открывают новые возможности для сотрудничества в рамках БРИКС. Но только реализация конкретных проектов может обеспечить интеграцию в различных областях и превратить данный альянс в экономическое мегапартнерство нового типа.

Список литературы

1. Игнатов А.А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 31–62.
2. Растяникова Е.В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность / отв. ред. А.В. Акимов; Институт востоковедения РАН. – Москва, 2019. – 236 с.
3. Рязанова М.О. Факторы многостороннего энергетического сотрудничества стран БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 116–126.

4. Селиванова Д. БРИКС: взаимовыгодное сотрудничество на всех уровнях // Информационный портал БРИКС. – 2020. – 08.04. – Режим доступа: <http://infobrics.org/post/30686/> (дата обращения: 18.04.2020).
5. Страны БРИКС: государственная состоятельность, уязвимость, статус глобальных игроков (из материалов дискуссии Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН) // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 308–319.
6. Страны БРИКС: классификация регионов // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2018 – № 34. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/17357.pdf> (дата обращения: 21.04.2020).
7. Хейфец Б.А. БРИКС: повестка для России на саммите-2020 в Челябинске // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 63–74.
8. BRICS Joint Statistical Publication 2018. Statistics South Africa / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – 2019. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/12879> (дата обращения: 17.04.2020).